

Миф по имени Павлик

То, что из гибели сельского мальчишки сотворили идеологический миф, даже и доказывать особо не нужно. Достаточно ознакомиться с рекомендациями в советское время пионером списком произведений или вспомнить о том, сколько улиц и пионерских отрядов назвали его именем, сколько памятников открыли...

Миф № 2, а если точнее – зеркальное отражение мифа № 1, – это образ Павлика как символ доносчика и предателя, эдакого нуды советского разлива, который ради идеи донёс на собственного отца, – образ, появившийся на заре перестройки, и сделавший имя Павлика Морозова отрицательным в массовом сознании. Наглядная иллюстрация этого образа – одноимённая песня группы «Крематорий», припев которой: «Павлик Морозов жив, Павлик Морозов жив, Павлик Морозов жив, Павлик Морозов жив, Павлик Морозов жив, Павлик Морозов жив, Павлик Морозов жив, Павлик Морозов жив, Павлик Морозов жив, Павлик Морозов жив».

Однако если миф № 2 я назвал бы прямым зеркальным отражением (факты – те же, только интерпретация их прямо противоположна), то миф № 3 – давайте назовём его «мифом о злом ОГПУ», – это уже отражение в кривом зеркале. Автор этого третьего мифа – Юрий Дружников, написавший в конце 80-х годов прошлого века книгу «Доносчик 001» или Вознесение Павлика Морозова, которую сначала по главам читали на «Радио Свобода», а потом издали в Лондоне. В начале книги Дружников последовательно и методично разрушает первый – канонический – миф о Павлике. Во-первых, не Павлик (никто его при жизни так не называл), во-вторых – не пионер (не было там создано пионерского отряда). Силошные «не» подводят читателя к выводам автора, которые без этой, подготовительной, части звучали бы абсолютно абсурдно: Павлика и его брата убили специально засланный агент ОГПУ с целью проведения потом показательного суда над убийцами и канонизации пионера-героя. И этот – новый – миф тоже прикинулся...

Новый взрыв интереса к личности Павлика Морозова начался в 1996 году. Именно тогда член Курганского отделения общества «Мемориал» Иннокентий Хлебников задумал целью реабилитировать людей, обвиненных в убийстве братьев Морозовых. По сути, Хлебников требовал не столько реабилитации, сколько нового расследования дела – у него (надо думать, не без влияния книги Дружникова) были основания считать, что оно было сфабриковано. Три года бумажной волокиты привели к тому, что в апреле 1999 года это дело дошло до Верховного суда РФ. И суд вынес приговор, перекалывавший политическое убийство в обычную «уголовку».

Казалось бы, всё, поставлена точка... но это лишь начало нашей истории. Судебный процесс 1999 года вызвал оживлённую реакцию в центральной прессе – газеты того времени так и пестрели статьями о Павлике. Спустя всего три месяца после вынесения этого судебного решения на Урал, специально для посещения Герасимовки, приехала журналистка из «Лос-Анджелес Таймс», а за последующие три года там побывали ещё и несколько иностранных журналистов.

А уже совсем близко к настоящему времени – в 2004 году – СМИ облетела новость о том, что Джордж Сорос финансирует музей Павлика Морозова, которая также оказалась очередным мифом. На самом деле фонд Сороса, тогда ещё активно действовавший в России, выделил совсем небольшой грант для сбора информации о коллективизации на Урале, площадкой для которого был выбран этот музей. Впрочем, по признанию нынешнего директора музея Павлика Морозова Нины Купрацевич, благодаря ему удалось продержаться в период, когда музей был на грани закрытия.

Для Купрацевич этот музей когда-то, ещё в конце 60-х годов прошлого века, был первым местом работы, а в начале нынешнего века ей вновь предложили там работать, на этот раз директором. И первое, с чем она столкнулась, были последствия многочисленных публикаций о Павлике, сделавшие его фигуру символом предательства: кто

то сбил надпись на памятнике-могиле в центре посёлка, а в высоких кабинетах её не раз спрашивали: музей кого вы хотите сохранять – музей предателя? Может быть, вообще его закрыть? Вот тогда и помог грант: начали создавать экспозицию, посвящённую коллективизации. Но, занимаясь этой экспозицией, Нина Ивановна поставила себе задачу сохранения музея именно Павлика Морозова. А для того чтобы это сделать, вновь и вновь ей приходилось мысленно возвращаться к убийству 1932 года. Давайте и мы с вами посмотрим на него пристальнее.

По стопам Агаты Кристи

Как в хорошем детективе, всё началось с убийства...

К слову: я попросил одного историка, который регулярно переписывается с Катриной Келли – серьёзным учёным, профессором Оксфордского университета, написавшей книгу «Товарищ Павлик: взлёт и падение советского мальчика-героя», задать ей простой вопрос: «Кто убийца?» и получил в ответ такие слова: «Вопрос некорректный, один историк другого о таком не спросит. Нас интересует миф, а не реальное преступление».

Но история эта началась именно с убийства. Кто-то мне возразит, что раньше был донос на отца, его арест, конфликт Павлика с дедом... Возражу: нет, началось всё с убийства. Потому что до убийства (а скорее, даже до публичного расследования, а затем суда) о Павлике никто за пределами Герасимовки и слыхом не слыхивал. И это несмотря на то, что газеты того времени любили писать о раскулачивании. Тем не менее история подростка, донёсшего на собственного отца, никакого резонанса не получила. А вот полгода спустя, когда убили двоих детей, один из которых был тем самым доносчиком, вдруг возник взрыв интереса к этому делу: показательный процесс, освещаемый в газетах, потом книги, памятники и прочая, прочая. Именно это обстоятельство, кстати говоря, и позволило Дружникову утверждать: заказ ОГПУ и специально совершенное зверское убийство детей. Ничуть не идеализируя советскую власть и её карательные органы, и не отрицая идеологического характера суда над убийцами Павлика, я всё-таки хотел бы обратить внимание вот на какой момент: какими бы жестокими ни были те самые сотрудники ОГПУ, которых Дружников обвиняет в убийстве, зачем им, собственно, совершать такое преступление, когда гораздо проще всего лишь воспользоваться подходящим случаем?

Ну а само преступление? Как, в таком случае, всё произошло на самом деле? Давайте рассмотрим некоторые факты. Но для этого первым делом надо мысленно переместиться, хотя бы на миг, в захудалое уральское село (читай – деревню) начала 30-х годов прошлого века. Глухая провинция, эдакий «медвежий угол», но при этом «угол» сравнительно молодой: большинство её жителей (в их числе и Морозовы) – переселенцы из Белоруссии, обосновавшиеся здесь в первое десятилетие XX века (так называемые «старые переселенцы»), которыми государство давало «подъёмные». Подальше они в далекие уральские края, понятно, не от хорошей жизни, а от безземелья и нищеты. Обосноваться они обосновались, конечно, но вот жили не просто небогато, жили очень бедно. Ну, а уже при советской власти в Герасимовку (впрочем, как и в окрестные сёла) привозили ссыльных «спецпереселенцев» – раскулаченных из других регионов страны. Если в Герасимовке жить было тяжело, то на спецпоселение – просто запрещение. По свидетельствам очевидцев, люди просто погибали от голода. И вот теперь – внимание: некоторым из этих самых спецпереселенцев Трофим Морозов, отец Павлика, выдавал документы, которые позволяли им легально уехать на родину или в любое другое место страны (видимо за мзду, хотя великая ли могла быть мзда с людей, умирающих от голода?). Вот, собственно, и преступление, в котором Павлик уличил отца, а тот за это получил срок в лагерях. Двоюродная сестра Татьяны Морозовой (матери Павлика) Агафия

Единственное сохранившееся фото Павлика (увеличено из группового снимка). Все портреты, все памятники делались на его основе

Фокина характеризовала Трофима как «тихого и спокойного мужчину», «ему поручат корову последнюю забрать, а он вылетит – и не заберёт». Такой вот предсказатель. И кстати: к моменту ареста он председателем уже не был – сам отказался от этой должности. Правда, совсем не по политическим соображениям: как раз в это время он «загулял» – ушёл от жены с детьми к молодой девке, Нине Амосовой. Дома почти не появлялся: там его каждый раз ждал скандал жены, а семья стала бедствовать.

Теперь о Павлике. Мог ли тот сам, по собственному почину, «сдать» отца заезжему «проверяющему» и рассказать тому про поддельные справки? Такое если и могло бы быть, то только при одном условии: если бы в Герасимовке была действительно мощная, идеологически подготовленная пионерская организация, имеющая реальную силу. То есть за Павликом (подростком) должен был бы обязательно стоять взрослый, кто-то осудил всех, кто не смог выдать стопроцентное алиби. Про одного из этих арестованных, но позже отпущенных, внука потом рассказывала: «У деду была голова была в шишках и вмятинах – прикладами били». Вот – методы следствия.

Итак, по приговору осуждены четверо. Двое непосредственных убийц – Сергей Морозов, дед Павлика и Фёдора, и Данила – двоюродный брат. Также двое «подстрекателей»: кулак Арсений Кулуканов, который якобы заплатил деньги исполнителям за убийство детей, и Ксения Морозова, бабушка Павлика – за «подстрекательство».

Давайте вспомним попристальнее в этих четверых. Деду Сергею на момент преступления было... 81 год. Ну что тут скажешь? Крепкий, видимо, старик, если сумел в таком возрасте в лес (!) участвовать в убийстве двух детей (своих внуков, между прочим). Сельские, кстати, рассказывали, что дед на суде говорил: «Страдаю аки Христос – безвинно».

Теперь Данил, 19 лет. По утверждению многих – деревенский дурачок, которого обвиняют в чем-то легче всего. По слабости ума отпереться не сможет. Ну а подстрекатели – родная бабка и местный кулак, то есть зажиточный крестьянин.

Насчет кулака Кулуканова (говорящая фамилия, правда?) – тут история особая. Одна из исследователей – екатеринбуржен-

ка Анна Пастухова (это она помогла музею в Герасимовку ещё в 90-х годах вместе с Хлебниковым) познакомилась в Тавде со свидетельницей, ни где не упоминавшейся в связи с Павликом, – Матрёной Шатраковой, родной дочерью того самого кулака – Арсения Кулуканова. Эта женщина поставила на ноги четверых детей (у всех – высшее образование) – её дочь «врага народа», власти почему-то не тронули. И вот первый интересный факт: мать Павлика Татьяна Морозова, приезжая в Тавду, всегда останавливалась у неё в доме, и никогда никакой злобы к ней – вроде бы дочке убийцы! – не питала. По её свидетельству и Арсений, и дедушка Сергей, и Данила (заказчик и предполагаемые убийцы) Татьяне всегда помогали, а Павлика и Фёду так просто жалели: одевали, всё время он ходил к ним кушать.

Ну а про арест отца Матрёна говорит так: «Отца моего не сразу арестовали, запугали его. Запутал Ванька Потупчик» (Иван Потупчик – один из милиционеров, расследовавших это дело)...

А оговорившийся нож, найденный за иконой? А свежечерное белье с пятнами крови? Это на третий-то день! Очень уж смахивает на преднамеренную фальсификацию...

Что, впрочем, вовсе не означает, что убивали, как утверждает Дружников, сотрудники ОГПУ, а говорит лишь о том, что дело расследовалось по принципу: «схватить и осудить» – неважно кого, лишь бы быстро и показательно.

Остаётся только одно, признать – в этом деле до сих пор больше вопросов, чем ответов... Впрочем, прежде чем закончить эту часть, я приведу версию Нины Купрацевич. Нина Ивановна, относясь к Павлику и Фёдору как к невинно убитым детям, между тем и ко всем четырём осуждённым на расстрел тоже относится как к пострадавшим без вины. И на мой вопрос: «Кто же в таком случае убийца?» рассказывает вот такую историю.

Начиная с 1929 года в Герасимовку было выслано несколько кулаков вместе с семьями, высланы их ещё севернее. Несколько человек из них бежали с этих поселений и вернулись в Герасимовку, но в деревне не остались, опасаясь новых арестов, а поселились в лесу, в землянках, как когда-то первые поселенцы. По крайней мере, об одной такой землянке рассказывали свидетели. Вот на кого-то из таких беглецов и могли наткнуться в лесу Павлик с Фёдей. И, конечно, узнали его и могли рассказать об этом в деревне. За что и были убиты.

Эта версия, по крайней мере, объясняет, зачем было деду убивать не только Павлика, которого он мог ненавидеть из-за предательства, но и его невинного девятилетнего братишку.

Об этой версии в деревне всегда знали, – говорит Купрацевич. – Но не болтали посторонним. Может, и до сих пор кто-то знает и может назвать имя убийцы...

Бывает градообразующее предприятие, а бывает градообразующая... идея. Или, говоря о Герасимовке, правильно сказать «селообразующая?». В общем, целое село жило и продолжает жить идеями о Павлике.

В Герасимовку до сих пор ведёт очень хорошая дорога, первая такая в районе. И всё это село в советское время было образцово-показательным: дома добротные, выкрашенные. Памятник, музей, обелиск: всё

КСТАТИ

В конце сентября в Герасимовке намечается научная конференция, посвящённая Павлику Морозову, организатор которой – управление архивами Свердловской области. Миф о Павлике продолжает быть интересным, в том числе для учёных.

МИФОТРАЖЕНИЕ

Московский театр им. Йозефа Бойса на прошлом фестивале «Коляда-plays» представлял спектакль «Павлик – мой бог», ставший событием фестиваля, получивший единодушный Гран-при.

Где бы ни игрался спектакль, он неизменно собирает полные залы. Уже и потому, что на его афише вызывающий лозунг: «Сдай папу – помоги Родине!». Здесь всё смешалось – мифы и реальность, прошлое и настоящее, смешное и трагическое, правда и вымысел. Связующая нить – предательство. Другое дело – чьё?

Поставленный выпускником факультета журналистики УрГУ, а ныне довольно известным кинодокументалистом Евгением Григорьевым, он берёт не столько темой («подвиг» пионера-героя Морозова давно уже развенчан), сколько нетривиальностью подхода к материалу. Детство режиссёра прошло в Тавде, недалеко от павлик-морозовской Герасимовки, и потому многое знакомо и впитано с младых ногтей. Но как трансформировались эти знания! Элементы кино сегодня очень популярны на театральной сцене, но в спектакле экран – не просто элемент сценографии, а одно из основных действующих лиц, он соединяет эпохи, выстраивает перспективные планы (и не только визуальные). Сам же Павлик – не просто оживший миф, он – реальный (в спектакле – гипсовый) памятник известного свердловского скульптора Петра Сажина. Но, как выясняется, даже памятники умеют любить, ненавидеть и так же, как и мы – не умеют прощать.

Предназначено для паломничества в «святое» место. В музее, конечно же, парта, за которой сидел Павлик, буквы и его бюст, вдвое больше натуральной величины – как раз между портретами Ленина и Сталина. Когда-то здесь отбоя не было от пионерских делегаций, всё село только этим и жило, повторяя заученные наизусть легенды.

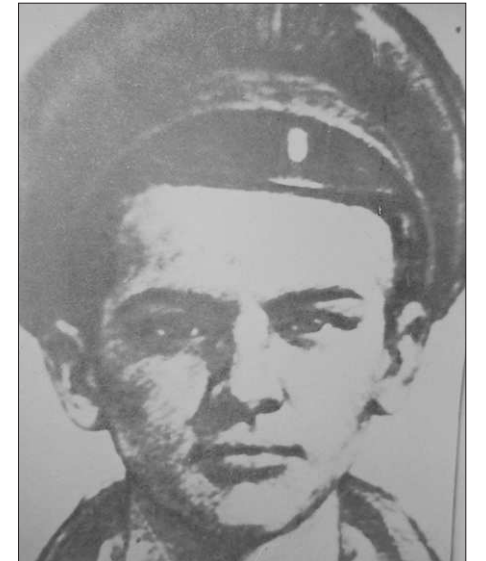
Потом, когда Павлик стал символом предательства, а пионеров и вовсе не стало, всё начало хиреть.

«Музей законсервировали. Открывали, правда, тем, кто приезжал специально взглянуть, да только мало таких стало», – так вспоминала Анна Пастухова свою первую поездку в Герасимовку.

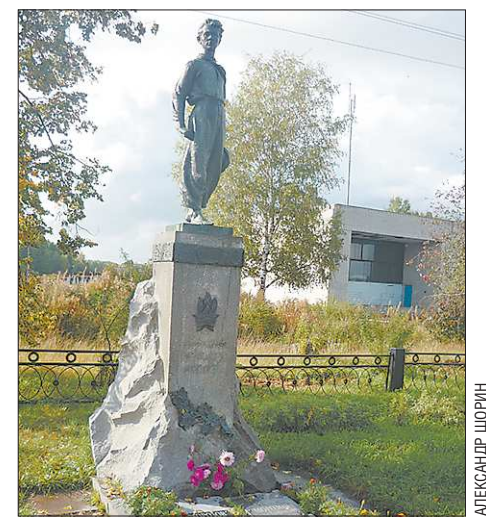
Миф, который долго создавался из этого места, приобрёл к концу XX века чёткую окраску социальной драмы, которая год от года становилась всё более заметной: у музея потекла крыша, на памятнике пионера-героя хулиганы отбили буквы. К тому времени, когда Купрацевич стала директором, на сотрудников там оставалось лишь 0,5 ставки.

И тем не менее музей удался отстоять. В первую очередь потому, что для Герасимовки, жившей мифом о Павлике, всё равно ничего равноценного ему не нашлось.

К Герасимовке до сих пор ведёт прекрасная асфальтовая дорога, первая такая во всём районе

Один из портретов Павлика, сделанных с единственной его фотографии. Сходство, как вы сами можете убедиться, весьма приблизительное

Памятник Павлику Морозову в центре Герасимовки. Он стоит на могиле Павлика и Фёдора

Нина Купрацевич относится к этому памятнику именно как к могиле детей. Принесит сюда цветы, установила таблички с именами и датами рождения и смерти. А вот на самом постаменте – до сих пор следы сбитых с памятника слов о пионере-герое

Школа, в которой учился Павлик, где сейчас находится музей его имени

Бюст в две натуральные величины между портретами Ленина и Сталина до сих пор окружает гостиную музея

Предполагаемые убийцы Павлика

Матрёна Шатракова (Кулуканова). Съёмка 1999 года для газеты «Лос-Анджелес Таймс»